

Я. Г. Солодкин

ПОМИНАЛИСЬ ЛИ «ЕРМАКОВЫ КАЗАКИ» ВНЕ ТОБОЛЬСКА? (КАК СЕМЕН РЕМЕЗОВ ВВЕЛ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ МНОГИХ ИСТОРИКОВ)



¹ Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века (далее — ЛП). Новосибирск, 2002. С. 67.

² Очерки русской литературы Сибири: В 2 т. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 49; История казачества азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 1. С. 265.

³ См., напр.: Окладников А. П. Туземные легенды о Ермаке (Опыт историко-этнографической интерпретации) // Сибирские огни. 1981. № 12. С. 132; Шубарина Л. В. Ермак и сибирский поход казаков в историческом сознании русского народа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1998. С. 14.



*Р. Монастырев.
Портрет Ермака*

Заканчивая обширное «сказание» о завоевании «русским полком» «Кучумова царства», первый доподлинно известный сибирский летописец Савва Есипов, дьяк трех кряду тобольских архиереев, решил поведать читателям о составлении при их предшественнике Киприане Старорушанине синодика (поминального списка) «ермаковым казакам». По словам владычного книжника, «во второе лето (наступившее 1 сентября 1621 г.) престольства своего» в только что учрежденном Софийском доме прибывший из новгородского Хутынского монастыря «добрый пастырь» распорядился выяснить у доживших до того времени сподвижников легендарного атамана, «како они приидоша в Сибирь», где сражались с «бусорманами» и кого «убили погании на драке». Казаки принесли Киприану «написание» с ответами на эти вопросы, и архиепископ приказал внести имена погибших в синодик главного храма Тобольска и в «православную неделю кликати повеле с прочими пострадавшими за православие вечную память»¹. Четверть века тому назад новосибирскому филологу Е. К. Ромодановской (ныне члену-корреспонденту Российской академии наук) посчастливилось найти редакцию синодика ермаковцев, которая в отличие от завершающей Есиповскую летопись содержит три с половиной десятка имен атаманов и казаков, павших при «взятии» ханства Кучума. (Еще одна разновидность такого поминального перечня, тоже хранившаяся в Софийском соборе «первоимянитого града» Сибири, была известна С. У. Ремезову и Г. Ф. Миллеру).

Порой считается, что Киприан решил прославить Ермака, дабы обеспечить признание созданной в «Закаменской стране» епархии со стороны казаков и крестьян, укрепить авторитет Тобольской архиепископии в этой среде². Сибирский «первопрестольник», несомненно, старался прежде всего упрочить влияние христианской церкви на жизнь «новопросвещенного» края, которое, судя по врученному «Старорушанину» наказу, оставалось еще незначительным. Едва ли Киприан начал рассматривать «велеумного» атамана как патрона Тобольской кафедры и даже собирался его канонизировать³. Известно, что очутившись в сибирской столице, владыка, ставший вскоре митрополитом Крутицким, а затем Новгородским, стал пропагандировать культы Знамени Бо-

городицы и Варлаама Хутынского, распространенные на его родине, а также Стефана Пермского. При Киприане в зауральских уездах Московского царства помнили и о Чудотворце Прокопии Устюжском⁴. Но, оценив небывалую популярность Ермака среди русского населения, особенно служилых людей, и здешних «иноземцев», в первую очередь татар и остяков, «Старорушанин» (что отмечалось Е. И. Дергачевой-Скоп, Р. Г. Скрынниковым и Н. А. Миненко) решил посредством церковного прославления атаманов и казаков, погибших в сражениях с кучумлянами, укрепить позиции православия в «далечайшей государевой вотчине», как в XVII столетии нередко называли Сибирь.

На первых порах Ермак и его соратники, павшие от рук «поганных», поминались согласно старинному (пришедшему на Русь из Византии) «Чину» в неделю православия во время Великого поста в соборном храме Тобольска⁵. Но вскоре, 16 февраля 1636 г., по указанию крупнейшего историка-сибироведа XX в. С. В. Бахрушина (члена-корреспондента Академии наук СССР) и других исследователей, установленное местными церковными властями поминовение легендарного предводителя казачьей «дружины», «взявшей» «за саблю» ханство Кучума, было утверждено и в Москве царем Михаилом Федоровичем, патриархом Филаретом и освященным собором⁶. При этом исследователи ссылаются на относящуюся к рубежу XVII–XVIII вв., то есть петровской эпохе, «Историю Сибирскую» Семена Ремезова. По словам ее автора – тобольского сына боярского, который прославился как писатель, географ, картограф, архитектор, художник, 16 февраля 1636 г. «советом освященного собора» царем Михаилом и Филаретом «указано правильно по грамоте» Киприану «иде же кийждо убиени быша, кликати вечную память... И оттоле уставися и до нынешнаго лета помяновение вселенское на Москве и zde в Тобольску Ермаку и подобным ему... вечная память». Оказывается, в том же году «по совету» с патриархом Михаил Федорович «вспомяну

⁴ См.: Тобольск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885. С. 10.

⁵ ЛП. С. 355–356.

⁶ Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 20; Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М., 1999. Т. 1. С. 461, 485–486; Сергеев В. И. Сибирские летописи // Советская историческая энциклопедия. М., 1969. Т. 12. Стлб. 823; Мирзоев В. Г. Историография Сибири (Домарксистский период). М., 1970. С. 24; Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986. С. 22. В представлении О. Г. Пороховой центральная власть утвердила поминовение Ермака в 1636 г. по ходатайству Киприана (Порохова О. Г. Лексика сибирских летописей XVII века. Л., 1969. С. 6), который умер двумя годами прежде, а Сибирь покинул десятилетием ранее. Безосновательно и мнение, что «Старорушанину» отказали во «вселенском» прославлении атамана, покорившего «Кучумов юрт» (Скрынников Р. Г. Ранние сибирские летописи // История СССР. 1979. № 4. С. 86).



Покорение Сибири Ермаком. Картина В. Сурикова. Художник воспроизвел знаменитое сражение у Чувашего мыса

⁷ Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 353; Памятники литературы Древней Руси: XVII век. М., 1989. Кн. 2. С. 564, 568. К 20 июля 1636 г. Ремезов отнес видение Богородицы, «заступницы всего мира», очевидно, подразумеваемая явление Абаляцкой иконы вдове Марии (см.: ЛП. С. 277, 342, 363).

С точки зрения В. И. Сергеева, Ремезову была известна грамота освященного собора 1636 г. (Сергеев В. И. У истоков сибирского летописания // Вопросы истории. 1970. № 12. С. 56, 60).

⁸ Кузнецов Е. В. Сибирский летописец. Тюмень, 1999. С. 45.

⁹ Ромодановская Е. К. Нектарий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 375; ЛП. С. 388.

¹⁰ См., напр.: Бахрушин С. Туземные легенды в «Сибирской истории» С. Ремезова // Исторические известия. 1916. № 3–4. С. 19; Он же. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 39; Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 71, 151.

¹¹ ЛП. С. 67–68. Примеч. 28; С. 89. В поздней редакции Есиповской летописи повторено известие о составлении синодика по инициативе Киприана (Полное собрание русских летописей. М., 1987. Т. 36. С. 194, 262, 318, 347).

Ермака... и указал по грамоте» первому сибирскому владыке «розрашивать во второе лето священства его» о предводителе зауральской экспедиции, обращаясь главным образом к соратникам знаменитого атамана. В другом списке «Истории Сибирской» эти события отнесены к 1620–1921 гг.⁷, т. е. ко времени учреждения Тобольской архиепископии. К тому же «великий государь» Филарет, доводившийся отцом царю Михаилу, скончался в 1633 г. Таким образом, Ремезовская летопись не подтверждает мнений о том, что Ермак начал почитаться повсюду в Сибири в годы «святительства» Нектария (1636–1640)⁸ или же при этом владыке «было утверждено официальное церковное поминание Ермака и его дружины»⁹. Не раз указывалось на обилие хронологических ошибок в этом сочинении¹⁰. Одним из них, вероятно, служит и сообщение об установлении общерусского поминовения Ермака в 1636 г. Примечательно, что в других сибирских летописях такое известие не встречается, хотя в двух списках «Повести» Саввы Есипова (Словцовском и Спасского) читаем о присылке архиепископу Макарию 18 сентября 1628 г. грамоты о недельном посте и пении молебнов (по какому поводу, не говорится). В Сказании о явлении и чудесах Абаканской иконы Богородицы повествуется про «знамения» в первое «лето» «святительства» Нектария, при царе Михаиле и патриархе Иоасафе, однако о «вселенском» поминовении Ермака умалчивается, хотя отмечено, что эти «знамения» произошли «по взятии Сибирского царства в лето 55»¹¹. Не сохранилось и сведений о церковном прославлении атамана, который повел свою «дружину» против кучумлян, в европейской части России. Судя по Есиповской летописи, инициатива почитания ермаковцев как поборников христианской веры принадлежала Киприану, а не московским властям. Свидетельство Семена Ремезова, будто первый из тобольских владык приказал «историю прославляти» атаманов и казаков, разгромивших «бесерменского царя Кучюма», едва ли заслуживает доверия: скорее всего «Старорушанин» покинул «стольный град» «Сибирского царства», причем навсегда, не успев сочинить какой-то повести о «взятии» русскими нового татарского «юрта» и даже распорядиться насчет составления такой повести. Высказывавшиеся еще с начала XIX в. мнения о существовании летописи Киприана, посвященной экспедиции Ермака, — не более чем догадки. Следы этой летописи, к примеру, затруднительно выявить в сложившейся в стенах архиерейского дома «Повести о Сибири и о Сибирском взятии» Саввы Есипова.

Стало быть, воспринятое многими историками и литературоведами утверждение Семена Ремезова о «вселенском» почитании Ермака и его казаков как христианских просветителей «Закаменской страны» должно считаться ошибкой. Следует расстаться и с мыслью, будто установление такого почитания (якобы оформленное в феврале 1636 г. царской грамотой) привело к созданию спустя несколько месяцев Есиповской летописи (по признанию ее «слагателя», он закончил работу 1 сентября того же года).